

В мире танца

Ее привлекают характеры страстные, значительные. Внутренний мир героини Тимофеевой словно замкнут в себе, и для того, чтобы он раскрылся, стал пластически осязаемым, необходима острая ситуация, психологический взрыв, рывок. Образы, созданные балериной — будь то гордая Мехменэ-Бану, коварная Эгина, трагическая Жизель или алчущая власти леди Макбет, — по своему масштабу и значимости выходят за рамки конкретных персонажей, поднимаясь до глубоких философских обобщений. В ее танце осязаемо биение живой мысли. Психологический подтекст сопутствует каждому движению, повороту головы, взмаху кисти.

На сцене Тимофеева выглядит статной, величественной, в жизни — это маленькая и хрупкая женщина. Она — признанная «звезда» Большого театра, но стоит встретиться с ней хотя бы раз, чтобы понять, насколько это определение не соответствует характеру балерины в жизни. В ее манере держаться, разговоре нет ничего от «звезды» — полное отсутствие самолюбования, снобизма, саморекламы; наоборот — беспощадное, даже придирчивое отношение к себе самой и к тому, что она делает.

— Я очень редко бываю довольна собой, — говорит артистка. — Не помню за последнее время спектакля, который бы удовлетворил полностью. Пожалуй, самым счастливым был день, когда станцевала партию Одиллии в «Лебедином озере». Это было еще в Ленинграде, когда после окончания училища по классу Н. Камковой меня пригласили работать в Театре оперы и балета имени Кирова. Почти вся труппа уехала на гастроли, а балерина, которая должна была танцевать, заболела. Положение оказалось безвыходным, и руководство театра, возглавляемое тогда известным хореографом Ф. Лопуховым, предложило роль мне. Не было ни одной репетиции, но я чувствовала себя на сцене как никогда легко и свободно.

Успех юной дебютантки превзошел все ожидания. Ей прочили блестящее будущее. И через некоторое время Тимофеева становится солисткой Большого театра Союза ССР.

— Переехав в Москву, — рассказывает актриса, — я все же продолжала учиться у мастеров ленинградской школы. Моеими педагогами стали выдающиеся танцовщицы М. Семенова и Г. Уланова. Семенова сразу взяла меня к себе в класс, куда хожу и по сей день. А репетирую с Улановой. Само присутствие в зале Галины Сергеевны заставляет предельно мобилизоваться, собраться. Помню, когда в «Лебедином озере» делала двойными 32 фуэте, она кричала: «Улыбайся, это ведь продолжение твоего образа!»

Наблюдая за Ниной Тимофеевой в репетиционном зале, поражаешься ее творческой неутомимости. Она может бесконечно отшлифовать каждое движение. Ее неиссякаемая фантазия подсказывает ракурсы, позы, в которых пирует или прыжок начинают «играть» новыми красками. Балерина обладает огромной работоспособностью. Уже в раннем детстве в ее сознание прочно вошли слова «танец» и «труд», ставшие на всю жизнь неразделимыми.

Мама будущей танцовщицы работала концертмейстером и педагогом музыки в Ленин-

Мастера культуры

Искусство Нины Тимофеевой — народной артистки СССР, солистки Большого театра Союза ССР — явление особенное в современной хореографии. Наверное, секрет непреходящей притягательности ее творчества заключается не только в яркой актерской индивидуальности, превосходных профессиональных качествах балерины, но и в самой личности артистки — сильной, неординарной, по своему противоречивой и одновременно необыкновенно обаятельной.

градском хореографическом училище. Оставить девочку дома было не с кем и ее брать с собой в класс или на репетицию. Сидя на рояле, маленькая Нина видела, каким тяжелым трудом добиваются легкости, непринужденности танца.

Когда началась война, ей исполнилось шесть лет. Кировский театр, училище, семь актеров и служащих эвакуировались в Пермь.

— Я не знала тогда слов «не могу» и «не хочу», — вспоминает балерина. — Самым важным было слово «надо». И когда мне сказали, что надо станцевать сольный кусочек в балете «Волшебная флейта», я согласилась, хотя перед выходом очень плакала. Но как только заиграла музыка, испуг прошел. Я была счастлива. Я работала, как взрослая.

В тот же день вместо ждиченческой продовольственной карточки артистке Тимофеевой выдали трудовую, а вскоре зачислили ее в хореографическое училище.

Много позже магическое «надо» помогло Тимофеевой за один день выучить «Лебединое озеро», за четыре дня — «Дон Кихота»... Однажды за десять дней балерина сделала почти невозможное. Она не просто освоила танцевальный текст одной из сложнейших партий современной хореографии — Мехменэ-Бану в спектакле Ю. Григоровича «Легенда о любви», но и создала неповторимый по силе трагедийного звучания и выразительности образ властной и страдающей женщины.

...В обугленно-черном одеянии появлялась на сцене Мехменэ-Бану. За исцеление сестры она отдала свою красоту. Но Ширин отняла у царицы и любовь Ферхада; встретив сестер, он полюбил младшую. В присутствии придворных Мехменэ была спокойной и неприступной, но стоило ей оказаться одной — гнев и отчаяние вырывались наружу. Не в силах сдерживать боль, металась царица. Ее страстным, рвущимся движениям вторили фигуры в красном. Они то склонялись к несчастной, сжимая ее тесным кольцом, то неслись в стремительном хороводе, словно обретали плоть огненные думы, сжигающие гордую душу Мехменэ.

Через две недели после «Легенды» Тимофеева станцевала первый раз «Жизель».

— К тому времени мне стало гораздо легче работать над образом в спектакле, насыщенном драматическими, трагедийными ситуациями, — рассказывает она. — Я поняла очень важные для себя вещи. Всю роль нужно расписать, то есть создать настоящую партию ощущений, абсолютно отличную в каждом новом моменте, эпизоде. Только в этом случае выстраивается психоло-

гическая линия поведения персонажа.

После премьеры «Асели», где Тимофеева станцевала главную партию, она получила очередное письмо от Ф. Лопухова, который в течение многих лет поддерживал дружбу с балериной, ревниво следя за ее творчеством. Балетмейстер писал: «Вы правильно и умно выступили в «Асели», это — интересно». Не имея возможности часто приезжать в Москву, Лопухов смотрел балет Большого театра с участием Тимофеевой по телевидению. «Смотрел по телевизору ваше выступление. Хорошо, Нина! Мне понравилось все, и это не моя особая вежливость. И по темпу, и по форме — все безупречно». Он умел подбодрить, поддержать в трудный момент, а их в актерской жизни немало. «Главное — не трусить, никогда не копировать и не идти по проторенным дорожкам», — настаивал Лопухов.

И Тимофеева не искала легких путей в искусстве. Образ Федры стал ее первой работой на телевидении.

— После Федры я много снималась, — говорит артистка. — С первого взгляда кажется, что между танцем в театре и на телевидении нет разницы. На самом деле она огромна. Часто то, что выглядит на театральной сцене выразительным, эффектным, в телевизионной съемке противопоставлено. Именно телевидение знакомит с прекрасным искусством хореографии миллионы людей. И, конечно, оно дает возможность искать, экспериментировать. Не так давно режиссер В. Бунин снял фильм-балет «Пиковая дама» по одноименной повести А. Пушкина на музыку К. Молчанова. В нем я исполнила партию Графини. Бунин, по-моему, человек очень одаренный, тонко чувствующий и понимающий балет. В «Пиковой даме» он попытался в рамках одного произведения органично соединить искусство танца и слова. Насколько это

получилось — судить зрителям, но работа очень дорога мне.

На театральных подмостках и телевидении Тимофеева станцевала более пятидесяти партий. Это много, но в то же время — очень мало. Мало для такой поистине одержимой творчеством танцовщицы, какой является сегодня Нина Тимофеева.

И. ДЕШКОВА.

21 НОЯ 1983

ПРАВДА
г. Москва